

О Титах, Титах Титычах и Титовых детях

Причудлива судьба собственного имени в языке. При имени Тит (греческое — 'почтенный') вспоминаешь лентяя Тита из русских пословиц да самодура Тита Титыча из комедии А. Островского. А был ли Тит действительно «почтенным»?

В 1785 году Я. Княжнин по заказу Екатерины II написал трагедию «Титово милосердие», где в образе добродетельного римского императора Тита был изображен мудрый и просвещенный правитель. Европейские писатели и ученые не раз использовали историю Тита для прославления современных им монархов; трагедия Княжнина была переводом-переделкой. Екатерина приняла «Титово милосердие» благосклонно, потому что в пьесе, по ее мнению, можно было увидеть «изображение Тита как совершенное подобие ангельской души ее». Тит у Княжнина — абстрактный идеальный монарх-правдолюбец, враг роскоши, враг тюрем и смертных казней, друг народа:

Отечества отца
Дражайше нареченье,
Есть Титова венца.
Верховно украшенье.

Имя *Тит* сделалось нарицательным и им даже стали пользоваться как синонимом слова *император*. При этом каждый мог вкладывать в слово *Тит* свое содержание. Одни применяли его как нейтральное, другие, предполагая высокий смысл слова, наполняли его революционным содержанием. Так, Л. Толстой, рисуя чествования Багратиона, отметил традицию панегирика в стихах, которые читались в честь героя:

Славь тако Александра век
И охраняй нам Тита на престоле.
Будь купно вождь и добрый человек,
Рифей отчества и Цесарь в бранном поле.
Война и мир

Но для революционера А. Радищева, считавшего, что «государь есть первый гражданин народного общества», имя *Тит* обозначало «услаждение рода смертных», о чем он писал в «Исторической песне»:

Тит, зри!
Как течет ко всем на помощь,
Если жизнь кто спас лишь в бедстве,
Тот блаженствует лишь Титом.

образно мыслить, а не от признания за термином устойчивого переносного значения.

Широкое (иногда даже экспрессивное) использование терминологического сочетания *американские горы* принадлежит прошлому. Последующее поколение знает об этом

аттракционе понаслышке. Возвращение термина в активный речевой обиход зависит от восстановления соответствующей реалии; в противном случае он станет в нашем языке историзмом.

Г. П. РУБЕЖОВА

Итак, в конце XVIII и начале XIX века имя *Тит* было равнозначно: 1) слову *император*; 2) словосочетанию *отец отечества*. Но использовалось это имя в литературе осторожно, чаще всего употреблялось словосочетание *отцы отечества*, которое первоначально бытовало с положительным, высоким значением, но, постепенно впитывая в себя иронию в сатире на старое поколение, начало свою новую жизнь в крылатых фразах:

Где, укажите нам, отечества отцы,
Которых мы должны принять за образцы?

Разоблачение «отцов», начатое в комедии «Горе от ума» Грибоедова, продолжил Гоголь, назвавший полицеймейстера в «Мертвых душах» отцом и благодетелем города. Н. Некрасов в поэме «Кому на Руси жить хорошо» пишет:

Отцы! Руководители!
Не будь у нас помещиков,
Не наготовим хлебушка,
Не запасем травы!
Хранители! Радетели!
...Отцы!
Отцы! Сыны отечества!
Умеют наказать,
Умеют и помиловать!

В известной полемике «отцов и детей» в журналистике 60-х годов русские демократы, высмеивая «отцов», имели в виду, разумеется, не возраст, а общественную позицию людей, которые не могут и не умеют понимать современное движение и потребности времени. Слово *Тит* также наполнилось к 50-м годам XIX века ироническим смыслом, отражая столкновения и противоречия двух поколений — отцов и детей — в русской общественной мысли.

Накануне реформы, в 1856 году, А. Островский назвал самодура и деспота, отца купеческого семейства в комедии «В чужом пиру похмелье» Титом Титычем: будучи знатоком фольклора, писатель воспользовался народным восприятием имени.

В былинае «Данилушко Игнатьич и Тит» злой, несправедливый царь назван Титом. О нем повествуется:

Подымалась туча, грязь великая:
«...Подо мною, под Титом,
Сорок королей, сорок королевичен,
Еще той мелкой сошки и счету нет,
На все на четыре дальни стороны
Отмечена сила по сту верст.
Еще сам я Тит, Тита брата зверь...».

Былины Сибири

Как представитель народного правосудия с Титом борется и побеждает дитя Данила (греческое «судья»).

И. А. Слонов в мемуарах «Из жизни торговой Москвы» описал страшную жизнь у *тиг титычей* — купцов и предпринимателей. В этом мире царил произвол и насилие. Только с введением мировых судей — как писал автор — титы титычи будто бы были привлекаемы к суду и сажались в «титы». «...А потом под арест и в „титы“». Так назывался городской арестный дом («Исторический вестник», 1913, ноябрь). О «титах», арестном доме, упоминает и В. Гиляровский в книге «Москва и москвичи».

В 50-е годы XIX века в России была популярна детская песенка «Семеро детей Тита», переведенная Я. К. Гротом из Вордсворта. В ней говорилось о добрых отношениях между Титом-отцом и его детьми:

У Тита было семеро детей,
Семеро маленьких малюток.
Они не пили и не ели,
А друг на друга все смотрели
И делали вот так...

Но революционная молодежь иронически переосмыслила эту песенку как обобщение либерального прекаснодушия «отцов». В связи с этим выражению *тифовы дети* суждено стать опорным словом в полемике демократической печати с фельетонистом А. С. Сувориным, печатавшимся под псевдонимом «Незнакомец». В «Санкт-Петербургских Ведомостях» (1871, № 4), то есть спустя девять лет после выхода в свет романа Тургенева «Отцы и дети», Суворин выступил против «детей», назвав их «тифовыми» детьми «отцов отечества». Фельетонист наполнил свое выражение яростной проицей, хотя в то время он продолжал еще сидеть между двух стульев, с одной стороны, критикуя «московских и петербургских отцов отечества», а с другой — защищая их интересы, их политику. В. И. Ленин в 1912 году в статье «Карьера» писал, что А. С. Суворин отразил целый период в истории буржуазной журналистики и всего буржуазного общества. «Бедняк, либерал и даже демократ в начале своего жизненного пути, — миллионер, самодовольный и бесстыдный хвалитель буржуазии, пресмыкающийся перед всяким поворотом политики власть имущих в конце этого пути» (В. И. Ленин. Полное собрание сочинений. Т. 22, стр. 43). В 70-е годы XIX века Суворин «дошел до истины», что молодое поколение — эти *Титовы дети* — «упрямые идиоты», «тупицы», «нравственные ничтожности, презреннейшие и вредные». «Незнакомец» сообщал, что за предательство народных интересов Титовы дети угрожают ему «двадцатью розгами и смертным приговором», который гласит:

Общество спасения департамента правосудия

Приговор

Признавая печатаемые в газете «С.-Петербургские Ведомости» воскресные анекдоты существенно вредными для общества, так как в них осмеиваются лучшие начинания молодого поколения, департамент постановил: наказать на первый раз фельетониста А. Суворина двадцатью ударами розог, впредь впредь быть осторожнее. Приговор этот до исполнения сообщить Суворину. Исполнению приговора ничто помешать не может.

Печать общества

Общество спасения. Департамент
Исполнения

На основании сообщенного нам и Вам приговора, Департамент Исполнения просит Вас явиться в трактир «Лондон» на Васильев. Остр., по 1 л., близ Тучкова моста, 31 декабря, от 5 до 6 ч. вечера; Вас будет ожидать ментор, который проводит Вас к исполнителям. За неявку полагается смертная казнь, исполнению которой ничто помешать не может.

Печать

Конечно, эти два документа, посланные «Незнакомцу» в разное время, были угрозой, а может быть шутивным предупреждением. Предполагая, что они писались представителями одного из многочисленных революционных кружков, Суворин грозит: «Я буду стрелять по погам, так как это самая сильная в умственном отношении часть организма детей Тита». Далее он делает выводы: «Дети Тита — малютки тайных обществ, тоже делают вот так, сочиняя разные департаменты, пишут, припевая: «У Тита было семь детей, семеро маленьких малюток...».

Представляя себе, что каждый из семи детей Тита руководит тайным департаментом, Суворин требует: «А подать сюда такого-то Титова сына... Берегитесь меня, Титовы дети!». По этому случаю журнал «Заря» (1871, декабрь) напечатал редакционную статью «Двадцать розог и смертный приговор г. Незнакомцу», направленную против резкого поворота Суворина в сторону реакции. Здесь задан вопрос: «А кто родители Титовых детей?». И тут же дан ответ: «Вы, эти Титы, которые предаете их анафеме, грозитесь револьвером, сводом законов и полицией... Следует чистосердечно сказать о своей деятельности в качестве Тита и признать: „Mea culpa, mea culpa, mea maxima culpa“ (Моя вина, моя вина, моя величайшая вина)».

Так в выражении *титовы дети* и *титы* дано понимание отношения «отцов и детей» разными классами русского общества, столь интересно раскрытое в русской литературе и публицистике.

В русском языке у имени Тит есть еще одно значение. Оно связано с христианским праздником — Титовым днем, когда молотья была в разгаре. Пословицы об этом дне говорят: «Святой Тит последний гриб растит. Грибы грибами, а молотья за плечами. Тит, пошел молотить!».

На день Тита — изобилие: все поспело, зато на день Карпа (26 марта) начинается весна безхлебица, поэтому «Было Тита — было што, а теперь Карпа — нет ни капли». Имя *Карп* несет в пословицах значение «труженик». Значит, лентяю Титу — и водка, и праздник, а когда труженик — именинник, то нет ни капли. Поэтому множество пословиц отражают добродушную насмешку над Титом-лентяем: «— Тит! Иди молотить. — Брюхо болит»; «Тит! Иди кисель есть. — А где моя большая ложка?»; «— Тит! Иди пить! — Бабенка, подай шубенку!»; «У нашего Тита спина за пьянство сбитая»; «Пьяный Тит под лавкой лежит»; «Пьяный Тит псалмы твердит». В загадке «Морщинистый Тит всю деревню веселит» отгадка: «гармонь». Значит Тит не только лентяй и пьяница, но и весельчак.

Итак, имя Тит в значениях «император», «отец отечества», «злой несправедливый царь» и Тит «лентяй» — омонимы и по происхождению и по значению.

Т. Н. КОНДРАТЬЕВА
Казань